

Маска Киборга

МАРАТ КАБИ

Марат Каби
Маска киборга

«ЛитРес: Самиздат»

2015

Каби М.

Маска киборга / М. Каби — «ЛитРес: Самиздат», 2015

Супергерои прочно заняли свою нишу в массовой культуре. Кино, книги, комиксы, посвященные супергероям, уже полюбились миллионам. Миллионам детей? Совсем не обязательно! Конечно, нет никаких возрастных ограничений для любителей зрелищных сцен, фантастических подвигов и захватывающего экшена. «Маска киборга» - как раз про это. По классике жанра, жизнь главного героя по имени Мартин течет размеренно и счастливо, пока не происходит перелом, после которого он обретает суперспособности и причину, использовать их для борьбы со злом. В образе Мстителя, так называет себя Мартин, собрались множество знакомых нам супергеройских качеств. Он ловок, как Спайдермен и орудует супер-девайсами, как Бетмен, но все же его история нова, а его характер неповторим. Супергерой Мститель – это столкнувшиеся мальчик идеалист и разуверившийся в человеческом разуме и гуманности робот. Две стороны борются внутри героя, и читателю до конца не понятно, кто же одержит верх. Кинематографичные драки и погони, настоящая любовь, перелом и становление героя, а еще размышления о смысле жизни, добре и зле. Кажется, под обложкой «Маски Киборга» замиксованы все необходимые ингредиенты настоящего супергеройского романа.

© Каби М., 2015

© ЛитРес: Самиздат, 2015

МАСКА КИБОРГА

Ночной город всегда вызывал в нем чувство противоречия. Красота огней, яркая беззаботность рекламных щитов, величие зданий, освещенных прожекторами, привлекали, очаровывали. Но в то же время он ни на секунду не позволял себе забыть, что этот величественный город таит в темноте переулков ненависть и жестокость, что зло скрывается там, куда не достает свет ночных фонарей.

Здесь, на крыше небоскреба, гул машин почти не нарушал тишины. Ветер играл полами его плаща, развевал его темные волосы, обычно спадающие на лоб. Он подставил ветру лицо и ощутил дуновение на левой щеке. Луна вышла из-за облака, луч выхватил из темноты его белое лицо – печальная маска Пьеро с навечно замершей на щеке слезой. Спокойствие и величие этого города обманчиво, нельзя терять бдительность, город не будет ждать.

Его слух уловил дробный стук каблучков. Он чуть поморщился, концентрируясь: искусственная ушная мембрана выделила этот звук из ночного гула. Он всмотрелся вниз, туда, где, не подозревая о его присутствии, торопливо шла худенькая девушка. Стук ее каблучков отзывался эхом, отражаясь от глухих кирпичных стен. Девушка испуганно оглядывалась: отзвук чьего-то выкрика, скрип тусклого фонаря, крысиная возня в мусорной свалке – каждый шорох казался ей враждебным. Даже звук ее собственных шагов казался слишком громким, способным привлечь опасность. Ей хотелось скорее миновать эту темную, освещаемую единственным уцелевшим фонарем улицу и оказаться среди людей, в свете ярких витрин, рядом с мелькающей фарами машин дорогой. Стук каблучков становился все чаще, ветер толкал ее в спину, путал ее длинные рыжие волосы, закрывая ее лицо, заставляя глубже прятать руки в карманы короткой кожаной куртки.

Человек не способен противостоять злу. Стоявший на крыше приблизился к краю. Зло правит миром, а человек слаб. За спиной его бился плащ, плечи были спокойно разведены, мерно поднималась и опускалась грудь. Человек слаб, страх живет в нем с рождения. Ветер ударил в его лицо с новой силой, он выше поднял подбородок, в свете луны блеснул металл. Но страха нет здесь. Страх умер вместе с человеком. Он шагнул в пустоту и разом окунулся в ночную темноту города.

.....

Страх умер во мне вместе с человеком. Теперь я – Мститель, машина, не чувствующая страха.

...Ловко приземлился – вышло почти беззвучно, ноги по-кошачьи пружинисто коснулись земли. Темная улица, на которой я оказался, изгибалась и сужалась, будто ей трудно было протискиваться между тесно расставленными громадами домов. Девушка достигла подрагивающего круга света, пролитого фонарем, ее волосы блеснули медью, и через мгновение вся ее фигура снова скрылась в темноте. Несмотря на обостренный от страха слух, она не заметила, что за ней следует человек в темном плаще.

Я на секунду остановился, чтобы оставить в стене микрокамеру. Привычно ощутил тяжесть капсулы-зонда, выдвинувшейся из ладони, и точным движением послал ее в стену угрюмого здания напротив. Острый наконечник легко вонзился в кирпич, прочно закрепив капсулу. Все в порядке, радар активизирован. Я чувствую привычное напряжение в правой части головы. Это в правый глаз – изящнейшее устройство, вживленное в человеческую плоть, – по тончайшим микросхемам передается сигнал. К обычному зрению прибавилось изображение улицы, зафиксированное камерой. Мститель чуть заметно кивнул.

– Повеселимся, парни! – чуткая мембрана выхватила грубый голос из множества звуков. Легкое жжение в правом виске, от напряжения чуть заметно дрогнули брови на бледном лице, и тут же обострился нечеловеческий, механический слух. Голова наполнилась звуками, они переплетались в невыносимом хоре: голоса прохожих из соседнего квартала, шум улицы, гудение машин, нестройное пение бездомного соединились с ритмом танцевальной мелодии, раз-

дающей из колонок торгового центра, возня осмелевших крыс и завывание ветра меж стен заброшенного здания. Концентрируйся! Шум утих. Четко слышны только неровный перестук каблучков рыжеволосой девушки и агрессивные голоса, они совсем неподалеку... Здесь, за углом.

Тусклый фонарь качнулся от налетевшего ветра и беспомощно моргнул.

Голоса, отзывающиеся в голове Мстителя, принадлежали группе парней. От таких веет животной агрессией, даже когда они поодиночке просто проходят мимо, толкнув плечом, заходят в метро, цепко ощупывая взглядом пассажиров, усмеваются, показывая зубы. У таких парней взгляд исподлобья, в котором читается постоянная готовность ударить. Они всегда сбиваются в стаи, им необходимо подпитываться злобой друг друга.

– Повеселимся! – это голос бритоголового, крепкого парня. Он демонстрирует неестественно накачанные бицепсы, поигрывая массивным ножом. Вздувшиеся мышцы грудной клетки и рук – дело явно не обошлось без стероидов. Рядом с ним высокий длинноволосый парень, в его руке мерно покачивается тяжелая цепь, с не меньшим изяществом она опустится на голову невезучего прохожего, в этом сомнений нет. За их спинами переговариваются еще два головореза, со смехом задирая друг друга. Они должны контролировать другую часть улицы. Чуть ближе к углу дома – худой, долговязый пацан. Мешковатые штаны и толстовка призваны скрыть его худобу. Он крепко зажал в руках битую и, примеряясь к удару, рассекает ею воздух. В его движениях решительность: кто бы ни появился из-за поворота, получит сокрушительный удар в голову. Этот пацан ударит настолько сильно, насколько сможет, ведь тогда он будет принят. Не принятый никем, он должен быть принят хотя бы здесь, в этой стае.

– Раскройшь башку первому, кто подвернется, – станешь одним из нас. Станешь частью банды койотов! – выкрикивает ему в спину длинноволосый.

– Не беспокойся, скоро здесь будет много крови! – парень старается отвечать как можно беззаботнее, но в его голосе проскальзывает напряжение.

«Много крови!» – отдается в голове Мстителя. А стук каблучков слышится все дальше.

«Эти парни мне не нравятся, Ларри...» – он проговаривает это про себя, зная, что искусственный интеллект Ларри, его друга, его помощника и проводника, уже просчитал возможный ход событий.

– Учитывая обстоятельства, существует лишь один вариант последовательности событий, – механический голос Ларри, как всегда, не заставил себя ждать.

Напряжение в правом виске сменилось визуальными образами: все движется мучительно медленно, и можно рассмотреть в подробностях каждую деталь. То, как фонарь, качнувшийся от порыва ветра, все еще не может оправиться от этой встряски, и лампочка все мигает, но почти не дает света. То, как девушка поворачивает за угол и делает шаг навстречу парню с занесенной битой. Как расширяются ее глаза и раскрывается рот для крика, который не успевает прозвучать. То, как, описав дугу, бита рассекает ее левый висок, как закидывается ее голова, как руки в беспомощном взмахе отпускают сумочку, из которой на грязный асфальт летят телефон, губная помада, ключи с забавным брелоком, маленькое зеркальце, дающее трещину, ударяясь о стену. Можно увидеть, какими стеклянными стали глаза парня, заносащего битую для повторного удара, как из рассеченного виска девушки течет кровь, заливая лоб, окрашивая в темное рыжину ее волос, спускаясь вниз по щеке к шее, затекает за ворот куртки. Как медленно бита опускается на ее голову второй раз и как красные брызги становятся алмазными, попав в свет мигнувшего фонаря. Как все застигает темнота смерти...

Видение промелькнуло за долю секунды. Фонарь качнулся назад и, наконец, снова слабо осветил часть улицы. Лицо Мстителя стало чуть бледнее, на белой маске Пьеро заметнее очертилась нарисованная черным капля слезы.

– Я понял тебя, Ларри.

Остановить ее, просто попросить ее, просто сказать...

– Подождите, девушка! – его механический голос звучит еще более гулко, отражаясь от кирпичных стен. Девушка испуганно оборачивается, она не ждала, что кто-то идет за ней в темноте.

– Что вам нужно? – бросает она и ускоряет шаг, приближаясь к повороту, к стае койотов, к занесенной для удара бите.

– Подождите, прошу. Пожалуйста, вам не нужно туда идти!

Как успокоить ее? Как объяснить, что он не причинит ей вреда, что там, за углом, ее ждет смерть? Он вытягивает руку – в ней нет оружия, это мирный жест.

– Прошу вас, не надо идти туда.

Испуг на лице девушки сменяется раздражением, даже злостью. Еще один ненормальный, возмнил о себе невесть что, нацепил плащ и разгуливает по городу. Таким место в сумасшедшем доме, а не среди нормальных людей.

– Иди домой, понял? Отстань от меня. Не смей приближаться! – Она поворачивается к Мстителю и пугается сильнее, увидев белый грим на его лице, его вечно печальную маску. Она пятится назад, она не понимает и не может понять его. Этот город отравлен страхом, каждый его житель давно потерял веру в людей... Возможно, не зря...

– Не смей идти за мной, придурок! – она показывает ему средний палец, она давно усвоила, что лучшая защита – это нападение. Она делает еще один шаг...

Все как всегда. Короткое усилие, и все движения вокруг замедляются. Девушка поворачивается и видит занесенную битую, искажается гримасой лицо парня и вздувается вена у него на шее. Бита в движении – подставить руку. Вот так.

Как всегда в такие моменты, мое сознание будто отключилось, тело действовало само по себе, управляемое сигналами, не мыслями. Бита разлетелась на щепки, она больше никому не причинит вреда. Удар. Под моим кулаком сминаются кости грудной клетки худого парня, до моих ушей, будто откуда-то издалека, доносится их хруст. Тело отлетает далеко в сторону и, ударившись о стену здания, сползает на асфальт. Теперь парень больше похож на небрежно брошенную тряпичную куклу, чем на человека.

Краешек моего человеческого сознания улавливает, как в полных ярости глазах остальных головорезов на мгновение вспыхивает ужас. Бритоголовый громила первым оправляется от потрясения. Он крепко сжимает в руке нож.

– Ах ты сука ряженая!

Перехватить. И рука уже сжимает занесенную для удара руку здоровяка. Пальцы сжимают его запястье. Сильнее, еще сильнее, сейчас снова затрещат кости... Еще небольшое усилие – и нож со звоном ударится об асфальт и отлетит в сторону. Лицо бритоголового так близко. Приоткрытый рот и широко раскрытые глаза придают его круглому лицу глуповатое выражение. Камера правого глаза считывает информацию, главный компьютер в голове проводит поиск на соответствие – миллионы видео с камер по всему городу промелькнули перед глазами. Ах, вот то, что нужно, этот парень нам уже знаком – короткое видео прокручивается в голове. Вот он наносит удары старику в коричневом пальто. Идет дождь, вокруг никого, и бритоголовый всаживает в оседающее тело нож еще и еще раз. Он вытаскивает из кармана коричневого пальто бумажник и быстро бежит, не глядя под ноги, наступая в лужи... Здоровяк уже убивал, и не раз.

Голос Ларри подводит итог, его слова звучат четко:

– Сканирование завершено. Объект определен. Эрик Митчел, тридцать два года. Неоднократно совершал убийства.

Кажется, уже пора привыкнуть, но на секунду сознание отделяется от беспристрастности компьютерной программы. Будто что-то лопнуло в мозгу, гнев мешает дышать.

– Ты не заслуживаешь жизни! Тебя остановит только смерть.

Нож не упадет на асфальт, нет. Тело снова обретает автономность. И рука, сжимающая руку бритоголового, теперь не дает ему разжать пальцы, обхватившие рукоятку ножа. Длинное лезвие, направляемое моей рукой, пронзает горло бритоголового, мягко входит глубже и, пробив затылочную кость, выходит наружу. Чувствуется что-то теплое и липкое на руке. Неважно. Лицо здоровяка навсегда замерло с приоткрытым ртом и глупо расширенными глазами.

Сознание, контролируемое компьютером, подсказывает повернуться. Моя выставленная вверх рука останавливает цепь за мгновение до того, как та обрушивается мне на голову. Длинноволосый не ждал такой быстроты реакции, выражение превосходства на его лице сменяется ужасом. Как просто вырвать цепь из его рук... Сильный взмах рукой, поворот всем корпусом, моя рука как будто удлинилась для этого удара. Брызги крови разлетаются в стороны, и тело длиноволосого, изрезанное на куски, оседает на асфальт. Только сейчас замечаю выдвинувшиеся из костяшек моей руки стальные лезвия. Мое тело быстрее меня. Лезвия быстро входят обратно в руку, будто их и не было. Доказательством служит разве что изрезанное тело у моих ног.

Цепь все еще в руке, ее конец все еще летит по заданной траектории. Кажется, что она движется очень медленно. Хотя, скорее всего, оставшиеся мерзавцы не могут даже различить ее движения. Удар. Этот парень даже не пытается бежать – оцепенел от страха. Теперь он вряд ли когда-нибудь сможет хотя бы ходить. Последний уцелевший из шайки сорвался с места и бежит. Бежит как дикий зверь, петляя и пригибаясь. Цепь летит ему вслед и обвивается вокруг ног, мне слышно, как крушатся и ломаются его кости. Он падает и тяжело скользит по грязному асфальту, как брошенный кусок мяса.

Кажется, что эта схватка длилась вечность, но я понимаю, что прошло от силы десять секунд. Рыжеволосая вжалась в стену спиной и дрожит. Ее рот открывается и закрывается беззвучно, по-рыбы. Ну что ж, не каждый день увидишь пять искалеченных окровавленных тел. Наверное, дуреха так и не поймет, что была на волосок от смерти и что я спас ее жизнь.

Зонд, оставленный мной в стене здания, снова собирается в капсулу и послушно ложится в мою вытянутую ладонь. Вкладываю его в клапан на бедре. Как странно, что когда-то я привыкал к этому костюму. Сейчас он моя вторая кожа.

Девушка наконец пришла в себя. Испуганно закричала и, подхватив сумочку, побежала, стуча своими каблучками, прочь от меня, от изувеченных тел, от этого ночного кошмара, который не раз еще разбудит ее среди ночи. В последний раз окидываю взглядом еле освещенную улицу. Обшарпанные стены домов, свалка под окнами дешевых квартир, узкая полоска темного неба между крышами. С плаката на кирпичной стене белозубо улыбается лицо кандидата в мэры: «Голосуйте за нового мэра города!» Эти плакаты расклеены повсюду, будто не очевиден этот нелепый контраст холеного лица, дорогого костюма и крупных часов на приветственно поднятой руке очередного лжеца с убожеством этих трупоб.

Пора уходить. Девчонка может со страху вызвать полицию. А на сегодня мне уже точно достаточно общения с незнакомцами.

Тело, как всегда, чуть опередило мое сознание. Я двигаюсь вверх по кирпичной стене, оставляя внизу изуродованные тела, мусор улицы и лживые плакаты. Шипы, выдвинувшиеся из подошв ботинок и толстой кожи перчаток, легко входят в кирпичную поверхность стены. В ушах шумит ветер, полоска неба, казавшаяся такой узкой с земли, становится все шире и шире. Стена обрывается, и я, с силой оттолкнувшись от ее края ногами, оказываюсь в темном, тяжелом, но напоенном свежестью небе. То ли падая, то ли паря, я чувствую подобие счастья. Я не знаю, могу ли я в самом деле испытывать счастье. Но это чувство полета будто бы освобождает меня, будто немного ослабляет сжимающую мое сердце металлическую клешню. Сейчас я могу быть собой. Я устал от испуганных криков, от искаженных ужасом лиц. Люди не принимают меня таким. Какую злость я вызвал в той девушке, просто заговорив с ней, просто пытаясь ей помочь... А тот толстяк за рулем такси, перед которым я оказался вчера, неосмот-

рительно выйдя из подворотни? Он был спокоен и доволен собой, ковырял в зубах зубочисткой, глядя в зеркало на лобовом стекле. И какое отвращение я прочитал на его лице, когда он заметил меня! Заметил мой плащ, мое разрисованное черным и белым лицо, непохожее на его – розовое, толстое, сытое. Он уже был готов достать свой припрятанный под сиденьем пистолет, купленный на случай ночной разборки или неожиданного нападения. Нападения! Я не совершал нападения. Я не угрожал. Я не сказал ни слова. Но люди этого города так запуганы, так пропитаны страхом и ненавистью друг к другу, что первое чувство, которое вызывает у них нечто непривычное, – это слепая ярость. Желание напасть, пока на тебя не напали. Это поведение больных диких зверей, загнанных в угол, а не разумных существ. Тогда я отступил в тень арки. Я исчез для него, стал коротким видением. Скорее всего, он со смехом потом рассказывал своим друзьям в грязном баре, что ему примерещилось чучело с белым лицом – чуть было не выстрелил в него, да оно вовремя пропало. И друзья будут покатываться со смеху вместе с ним, заливаясь виски и затягиваясь вонючими сигаретами. Тогда я исчез для него. Но я всегда буду там, я накрепко связан с этим городом.

Я отталкиваюсь ногами снова, и крыша высотного здания оказывается далеко внизу. Я лечу и падаю, отталкиваюсь снова, еще и еще, пока не оказываюсь далеко от центра города, на крыше, так высоко, что огни мегаполиса перестают затмевать небесные огни. Так, издали, он виден как на ладони. Он кажется игрушечным со всеми этими огоньками и башнями, он кажется безобидным. Кажется... Я вдыхаю ночной воздух, и железная хватка, сжимающая мое сердце, снова слабеет на мгновение. Этот город уничтожает себя сам. Я знаю это. Я знаком с жестокостью, с ненавистью, с болью. Я знаю о смерти даже слишком много. Но я не могу уйти, не могу оставить этих несчастных, обозленных, измученных людей.

Как мало человеческого во мне осталось. Я испытал слишком много боли, слишком. Теперь мне не нужно многого. Я просто исполняю свое предназначение. Я не меняю мир. По левой щеке медленно сползает слеза и чернеет, смешиваясь с краской нарисованной капли.

Я всего лишь делаю мир чуть лучше, чем он есть.

Занимался рассвет. Волна света медленно, но неуклонно заполняла собой город. Дотронувшись до крыш небоскребов, спустилась ниже и отразилась во множестве окон, увеличив этим свою мощь. Скоро она дотянется и до самых темных, неприметных улочек, разольется по обшарпанным стенам, разбитому асфальту, сделает явной ущербность городских трущоб и на время отпугнет их ночных обитателей. А это значит, что пора возвращаться.

.....

Город еще только начал просыпаться: голоса торговцев уличных рынков, звуки шагов первых прохожих, сонных, но уже спешащих на работу. Из колонок круглосуточного супермаркета донесся нарочито бодрый голос диктора.

– Доброе утро всем, кто с нами в этот ранний час!

Все эти звуки доносились до сознания Мстителя, но, смешиваясь, превращались в неразборчивый шум. Ненавязчивый, немного угрюмый, но все же приятный и легкий шум утра. Он означает, что начался новый день, день обычной жизни, почти что беззаботной, почти что спокойной, почти что счастливой жизни.

Почти что... Он был погружен в себя и почти не обращал внимания на дорогу, тело привычно слилось с мотоциклом, и редкие автомобилисты даже не успевали заметить черную тень, пронесшуюся мимо. Он может позволить себе эту скорость: если что, Ларри всегда позаботится об управлении, а значит, можно ненадолго забыть обо всем. Ведь когда-то не было Мстителя, не было искусственного зрения, металлической вставки в черепе, тончайшей ушной мембраны, фиксирующей каждый звук. Не было ночных прогулок по крышам. Не было ослепляющей ненависти и желания мстить. Не было этих беспомощных рыжеволосых девушек, запуганных, уставших, жалких. Не было жестоких полулюдей, с битами и цепями ожидающих за углом.

Не было?

Он прищурился и совсем четко, будто бы это и не воспоминание вовсе, увидел медный блеск в волосах девушки. Нет-нет, не девушки, девочки, сидящей у окна. Чуть подавшись вперед, она внимательно слушает учителя. Она не замечает, как серьезно сведены ее брови. Кажется, она всегда была такой. Мелани, девочка за соседней партой, все воспринимающая всерьез, девочка с рыжими волосами, до которых хочется дотронуться, да только страшно спугнуть этот играющий в них солнечный блик. Могла бы Мелани стать одной из тех запуганных и запутавшихся девушек из гулких ночных переулков? Трудно представить. Страшно представить.

А вот из тех ребят с задних парт вполне могли бы выйти ночные смельчаки с низко опущенными капюшонами, тяжелыми взглядами, желанием сбиваться в стаи. Разве так бывает? Ведь это дети. Но издевка в глазах мальчугана, оторвавшегося от разрисовывания парты, сверкнула совсем как во взгляде взрослого парня с ночной улицы, чувствующего свое превосходство, силу, безнаказанность. Это Стив Уоллкет. Да, так его звали. Столько времени прошло, а память почему-то продолжает хранить даже такие мелкие, казалось бы, ненужные детали. Детали совсем другой жизни – жизни не Мстителя, а паренька по имени Мартин, готового максималистски рассуждать на уроке истории о коллективном разуме, изредка бросая взгляд на рыжие волосы Мелани, не замечая насмешливых перемигиваний Стива и его дружков. Простое, смешное, глупое время. Невероятно счастливое время. Его никогда не вернуть, не вернуть того Мартина и его непоколебимую уверенность в том, что мир устроен сложно, но правильно, что разум царствует в нем, а насилие никогда не сможет одержать верх. Поэтому каждая деталь бережно хранится в памяти, каждая деталь драгоценна – это составляющие детского, обыденного и незаметного счастья, ценность которого в полной мере осознается только сейчас.

Звуки утреннего города совсем перестали тревожить его слух, он полностью погрузился в воспоминания: весенний день, школьный класс, залитый солнцем. Он говорит, не замечая, как пальцы нервно теребят карандаш.

.....

Мистер Уилсон, учитель истории, серьезно слушает, иногда слегка кивая. Мартину кажется, что этими кивками он отмечает главные моменты в чуть сбивчивой речи ученика, каждый кивок вызывает в нем толчок благодарности. Мистер Уилсон умеет слушать, поэтому Мартину кажется важным объяснить ему свою теорию о коллективном интеллекте как можно яснее, убедительнее и проще. Так, как это у него выходило в долгих разговорах с дедушкой.

– Мартин Стоун представил нам интересную концепцию, да, коллеги? – мистер Уилсон обводит взглядом класс. Он единственный из учителей называет школьников коллегами, и Мартину это нравится.

– Итак, Мартин считает, что наша земная цивилизация управляется коллективным человеческим разумом. Таких теорий существует довольно много. Попросим Мартина пояснить, на чем основано его личное заключение.

Мистер Уилсон говорит очень серьезно, а глаза его смеются. Он прекрасно понимает, что «коллегам» куда интереснее было бы сейчас выбежать на улицу, вдоволь пошуметь, потолкаться, засмеяться во весь голос, а не слушать подробности этого доклада. Но Мартин, машинальным движением поправив очки, с готовностью продолжает, он слишком увлечен, чтобы разглядеть ироничные искорки в глазах учителя. Кроме того, он чувствует щекой, что Мелани внимательно смотрит на него и ловит каждое слово. Почему-то Мартину ужасно неловко было бы повернуться и прямо взглянуть на ее сосредоточенное лицо, его щека начинает розоветь, поэтому он спешит быстрее перейти к своим доводам, вернуть свою уверенную сосредоточенность.

– Согласно данным археологических раскопок, наш вид человека разумного – кроманьонец – появился на земле около сорока тысяч лет назад, на территории современной Франции. В это же время существовал и другой вид – неандертальский человек. Получается, что два вида людей существовали в одно и то же время. Никаких данных о том, что они соперничали и истребляли друг друга, нет. Неандертальский человек просто исчез. Я думаю, этот вид был переходной фазой к виду человека разумного, современного человека. И, выполнив свою функцию, он просто прекратил свое существование...

Пока Мартин говорит, задние ряды понемногу оживляются. Стив Уоллкет написал что-то на мятом тетрадном листе и показывает соседям по парте. Видимо, его острога касается Мартина, потому что парни, поочередно прочитав написанное, бросают взгляд на говорящего ученика и утыкаются лицом кто в парту, кто в тетрадь, кто в сложенные ладони. Поводов повеселиться море: Стоун очкарик, Стоун хилак, Стоун не бесится, как все, на переменах, а усаживается в углу с книгой и, идиотским движением поправив свои очки, отключается от окружающего мира. Уоллкет с парнями называют такие моменты «Стоун в отключке» и стараются досадить очкарику, бросив в него ластиком, прилепив к плечу липкую бумажку с обидной надписью, громко крикнув ему в самое ухо. Но этому отмороженному хоть бы хны: на секунду оторвется от чтения, рассеянно посмотрит поверх книги и снова уткнется в нее носом, будто такие мелочи его совершенно не тревожат. Это бесит больше всего. Стив знает толк в издевательствах, он уже не первый год остается в этом классе и, хоть и не силен в учебе, уж точно знает, как довести слабака до слез. А Стоун не поддается, как будто он выше Стива, как будто он, а не Стив, сильнее, как будто он знает что-то для Стива неизвестное, что делает очкарика неприкасаемым. От одной мысли об этом Стива начинает трясти, ему хочется вмазать по очкам этого всезнайки, толкнуть его на землю и прижать ногой, чтобы тот полежал в пыли и уяснил себе раз и навсегда, кто здесь главный. Да ведь били уже этого чокнутого, но ни разу не получилось довести его до слез или заставить просить о пощаде. Всегда он молчит, смотрит исподлобья. Даже в тот раз, когда Алекс не рассчитал удар и сильно разбил ему губу, толкнув к двери, Мартин только смерил того взглядом и вышел из класса, зажав рот рукавом. Алекс все боялся, что его вызовут к директору, и до вечера ныл об этом, а потом оказалось, что очкарик ни словом не обмолвился ни об Алексее, ни о Стиве, ни о других парнях. Это будто бы делало их обязанными ему, а значит, усиливало ненависть.

– Решил поиграть в рыцарей, придурок! – зло цедил сквозь зубы Стив. – Ненавижу таких, как ты, профессорский сынок.

Все в школе знали, что отец и дед Мартина – какие-то шишки в науке. Отец даже приходил как-то к ним в класс, рассказывал о своей профессии. Стив на пару минут заинтересовался его бреднями об искусственных органах, о человеке будущего и сложных хирургических операциях, меняющих жизни людей, но Стоун-старший говорил и говорил, не умолкая, а, наоборот, только распаляясь, совсем так же, как Мартин, поправляя свои очки. Стив давно перестал слушать его и старательно обводил контуры нового рисунка на своей парте: монстр с уродливо раскрытой пастью, не по-человечески, а как бы вертикально, когтистые лапы тянутся к убегающему человечку, а тот кричит в ужасе, ибо ему не уйти. Стив мирно обводил острые линии зубов, когда понял, что в классе подозрительно тихо, и, подняв глаза, увидел, что Стоун-старший, слегка оперевшись рукой о его парту, с улыбкой смотрит на незаконченный рисунок.

– Я рад, что среди вас есть уже определившиеся с выбором профессии. Вот, например, перед нами – свободный художник. Ну, не будем отвлекать вас своими научными разговорами, продолжайте, пожалуйста. – Он, как ни в чем не бывало, выпрямился и прошагал обратно к доске, а класс взорвался хохотом. Никто еще не разговаривал так со Стивом, и, кроме всего остального, он выглядел ужасно нелепо: застигнутый врасплох, с высунутым от старания кончиком языка. А как он покраснел, не найдя, что ответить на это вежливое замечание! Не засме-

яться было невозможно. А Стив не знал, куда провалиться от стыда, и пообещал себе отомстить Мартину за эту насмешку – не старший Стоун, так младший, разница невелика.

Сейчас Мартин пустился в объяснения своей дурацкой теории и, сверкая глазами, говорил:

– Коллективный разум есть у муравьев, пчел, термитов. Это очевидно, поскольку эти объекты малы. Коллективный разум у человечества невозможно выявить сразу, но...

Стив не выдержал и запустил ему в затылок крепко скрученный бумажный шарик. Шарик отскочил от тощей шеи Стоуна, а тот сбился и недовольно-вопросительно обернулся.

– Уоллкет, что вы себе позволяете?! – Мистер Уилсон вопросительно приподнимает подбородок, брови его тоже слегка поднимаются, выражение лица становится презрительным. Он переводит взгляд на Стоуна и кивает, чтобы тот продолжал.

– Да врет он все, сам выдумал и лепит, что в голову взбредет, а вы слушаете, раскрыв рот! – Стив сам не ожидал от себя такого красноречия, но сейчас ему удалось привлечь потерянное внимание ребят из класса, и он был собой доволен.

– Он не врет и знает, что говорит! Он умный, в отличие от тебя! – Это Мелани выкрикнула с места и, кажется, сама немного испугалась своей горячности, но продолжила смотреть гордо и прямо, только закусила губу от волнения.

Стив только рад лишний раз уколоть Мартина:

– Нашел себе защитника, Стоун, ничего не скажешь. Попридержи свою невесту, а то она, кажется, броситься может. Рыжая, ты на людей не кидаешься? А то взгляд как у дикой зверюги.

На светлой коже Мелани быстро выступает пунцовый румянец. Никуда от него не денешься, не спрячешь. Мартин, наоборот, бледнеет, сжимает кулаки.

– Стивен, немедленно прекратите свои излияния. Они никого не интересуют. На вашем месте я попытался бы сосредоточиться и слушал бы Мартина не отрываясь. Вы прекрасно знаете, что вам грозит еще один год за этой самой партией, если вы продолжите в том же духе.

Оживившийся было класс тут же затих. Мартин выдохнул и продолжил говорить как можно невозмутимее. Только все не мог разжать кулаки. Уоллкет тем временем уже незаметно делал своим друзьям знаки: сейчас он точно знал, чем займется после уроков. Показав глазами на Мартина, он подносит кулак к своей широкой скуле. Его жест ловит Алекс, худощавый парень с желтоватыми зубами и вечно сальными волосами. Он неприятно улыбается.

– Потолкаемся, – еле слышно, одними губами говорит Стив, многозначительно поднимая брови.

Перегнувшись вперед, Алекс тыкает ручкой в спину круглоголового крепыща Джонни. Этот недалекий мальчуган – вторая часть вечной свиты Уоллкета.

– После уроков проведем беседу со Стоуном, – многозначительно шепчет Алекс.

– Чего? – Джонни мучительно морщит лоб. До него редко доходят эвфемизмы.

– Со Стоуном. По-бе-се-ду-ем. – Каждый слог Алекс легонько отбивает кулаком по парте. До Джонни, наконец, дошло, и он расплывается в улыбке, как будто ему пообещали бесплатную пищу.

– По-бе-се-ду-ем, – довольно растягивает он слоги.

– Тебе конец, урод, – шипит Стивен в сторону Мартина. Тот, будто не замечая, заканчивает свой доклад и спокойно оглядывает класс, ожидая вопросов. Мистер Уилсон дружески кладет ему руку на плечо:

– Ну что же, Мартин, твоя теория имеет право на жизнь, в ней есть своя логика. Садись, за твою работу я поставил тебе «отлично».

Мартин спокойно садится за свою парту и, будто ни к кому не обращаясь, проговаривает:

– Странно, что один неандерталец все еще живет в наше время.

На лице мистера Уилсона на секунду появляется улыбка, но он тут же стирает ее, чего не скажешь о детях: те не скрывают своих смешков и открыто смотрят на краснеющего от злости Стива.

– Посмотрим, кто из нас неандералец! – шипит он, но тут же краснеет еще сильнее, поняв, что неправильно выговорил заумное обзывательство. Ничего, сегодня хилак ответит за каждый смешок в сторону Стива, за все ответит.

...Мартин понимал, что сегодня ему не уйти от драки. Он уже привык к стычкам с Уоллкетом и его друзьями и воспринимал их как неприятное, но неизбежное событие. Наверное, так некоторые смотрят на дождь, от которого никуда не деться, нужно просто перетерпеть его и продолжать путь, ну, или уж вовсе не выходить из дому. Правда, каждый раз, когда драка все-таки начиналась, ему еще ни разу не удавалось сдержать свой гнев. Он выходил из себя и, сжав кулаки до белизны в костяшках, пытался ударить обидчика в ответ. Обычно его попытки прекращались где-то через минуту, и он оказывался на полу, или утирал разбитый нос, или поправлял разорванный ворот рубашки, или ловил ртом воздух, согнутый в три погибели, с головой, зажатой под локтем одного из здоровяков. У него были свои правила на этот счет: нельзя кричать, нельзя бежать и, конечно же, нельзя плакать. Эти низколобые оболдуи только и ждут, что ты начнешь просить их о пощаде, а давать им то, чего они ждут, Мартин ни в коем случае не собирался. Поэтому он изо всех сил отбивался, а потом терпел. Он знал, что это выводит обидчиков из себя, и внутренне торжествовал этой полупобедой.

Сегодня ему не уйти от драки, но привычного сосущего ощущения в животе как не бывало. Мелани шла рядом и, чуть наклонив набок голову, слушала его. Ее рыжие волосы были собраны в хвост, и только одна непослушная прядка то и дело выбивалась и падала на щеку. Мелани торопливо убирала ее за ухо, но прядь выбивалась снова. А Мартин, автоматически продолжая говорить что-то о человеке каменного века и его эволюции, следил за этой борьбой и забывал бояться.

– Вообще, я считаю, что все человеческие расы возникли одновременно. А вот сейчас физическая эволюция человека закончилась и началась эволюция человеческого сознания. Понимаешь, о чем я? Некая разумная сила управляет развитием мира. Для нашего разума она пока непостижима.

Мелани чуть замедлила шаг и ответила с небольшой запинкой. Она не боялась показаться глупой, но все же взвешивала каждое слово.

– Но разве людей создал не Бог? – Она пристально посмотрела на Мартина, чуть сощурилась, будто проверяя, насколько может ему доверять.

– Бог, если хочешь. Мы можем называть творца мира, а возможно, коллектив творцов, Богом. Так проще, верно?

Мелани не успела ответить, дорогу им преградил Стив Уоллкет с его вечными телохранителями. Она не успела еще понять, что происходит, и в ее голове пронеслось: «Какой же он жалкий, этот Уоллкет». Большеголовый, толстоватый здоровяк Стив смотрел исподлобья. Он спрятал кулаки в карманы его растянутых тренировочных штанов и слегка покачивался: с носка на пятку, с пятки на носок, будто вышел навстречу Мелани и Мартину во время легкой спортивной разминки. Тяжелые челюсти снова и снова перемальвали жевательную резинку. Алекс и Джонни встали чуть позади него и тоже спрятали руки в карманы. Мелани знала, что отец Уоллкета часто наказывает сына, что с каждым годом успеваемость и оценки за поведение Стива отнюдь не становятся лучше, несмотря на отцовскую науку, а взгляд становится все более мутным, более неживым. Да ему просто нужно срывать на ком-то свою злобу, ему просто нужно нравиться хоть кому-то, поэтому он и таскает с собой этих двух клоунов, поэтому он и задирает Марти. Принципиального, честного Марти, которого невозможно заставить пойти на компромисс...

Эта мысль пронеслась в голове Мелани и тут же сменилась резкой неприязнью: Уолкет самодовольно ухмыльнулся и сплюнул жвачку им под ноги. Алекс сделал шаг вперед, поравнявшись со своим предводителем, а Джонни будто невзначай легонько отбивал размеренный ритм, опуская в ладонь сжатый кулак. Мелани на секунду представила, как этот кулак ударяет по острой скуле Марти, и ее передернуло. Она краем глаза взглянула на Мартина. Тот стоял спокойно, только чуть напряглись его плечи и взгляд стал ужасно холодным.

– Ну что, попугай-неразлучники, прогуливаемся? Щебечем о высоком? – Стив выдержал паузу и с издевкой перевел взгляд с Мелани на Мартина. – А мы тут по-простому. У нас разговор короткий. – Он сделал небольшой шаг к ребятам и оказался совсем близко, угрожающе нависнув над ними и загородив небо.

– Мы сейчас с тобой по-своему говорить будем, да, Алекс? – Стив смотрел Мартину прямо в глаза и не обернулся, когда Алекс услужливо поддакнул ему.

– Мы тебя так отделаем, что резко все поймешь, – решил тоже внести свою лепту в угрожающий монолог Джонни. И решив, что разговоров было уже достаточно, резко толкнул Мартина в грудь.

Мелани попыталась толкнуть Джонни в ответ, но в следующую секунду уже была откинута в сторону, как надоедливая мошка.

– Прекратите сейчас же! Вы не имеете права трогать его! Я сейчас позову учителя, и вам здорово достанется! Понятно?! – Она прокричала это зло, даже не пытаясь подняться с газона, ощущая полную беспомощность перед этими глупыми, но сильными парнями.

– Не унижайся, Мел, – проговорил Мартин сквозь зубы. – Это только внешне они похожи на современных людей, а в развитии они еще в первобытной эпохе.

– Это кто здесь первобытный? Мы? – Стив будто бы даже обрадовался этому оскорблению. – А может быть, ты?! – Он резко ударил Мартина в лицо. Тот отшатнулся и тут же прижал руку к носу. Сквозь пальцы медленно закапала кровь. Он попытался занести руку для ответного удара, но Алекс и Джонни уже крепко схватили его за локти.

– Ну, кто? Кто! Здесь! Первобытный! – На каждое слово Стива приходилось по новому удару. В живот, по ребрам, в живот.

– Вы! Вы звери! Вы просто тупые, голодные, загнанные звери! Дикие и жалкие! – Мелани кричала, не замечая, как по щекам текут злые слезы. – Отпустите его, слышите?! Отпустите немедленно! – Она снова попыталась оттолкнуть обидчиков, но ее опять отшвырнули в сторону.

Алекс и Джонни выпустили руки Мартина, и он неловко повалился на землю. С него слетели очки, и он, беззащитно шурясь, шарил руками по асфальту, пытаясь найти их. Парни посмеивались, не трогая его. Наконец, устав от этого представления, Джон с силой пнул Мартина ногой. Тот снова потерял равновесие и повалился набок. Парни накинулись на него с новой силой, нанося удары ногами. Их прервал громкий окрик. Из-за угла школьного здания показался Том Сандерс, преподаватель по физкультуре. Он вглядывался в фигуры дерущихся, еще точно не понимая, что происходит.

– Сандерс! Валим! – выкрикнул Алекс и первым рванул в ближайший переулок. За ним, тяжело топая, побежали Стив и Джонни.

– Мы еще не закончили, ты понял, умник? Мы еще выясним, кто из нас животное! – выкрикнул Стив, перед тем как скрыться в подворотне.

Когда мистер Сандерс подошел, Мартин уже успел подняться на ноги и рукавом рубашки вытирал кровь. Мелани, еще секунду назад плакавшая, уже достала из своего ранца платок и помогала другу остановить кровь.

Она осторожно приложила платок к опухшему носу Марти:

– Очень больно?

– Не очень, но все же неприятно. – Он поморщился от неловкого прикосновения. – Не страшно, пройдет.

Мистер Сандерс взял Мартина за плечи и осторожно развернул к себе.

– Ну-ка, что тут у нас? Так, нос тебе разбили здорово, но перелома нет. Руки-ноги целы? Согни-ка локоть. Так. Хорошо. – Он поворачивал Мартина из стороны в сторону, внимательно осматривая места, где уже начали проступать синяки.

– Кажется, ты невероятно везуч, дружище. Ничего серьезного – одни синяки и ссадины. А шрамы, как ты знаешь, украшают мужчину. – Он подмигнул Мелани.

Мартин только недовольно хмыкнул, потирая отбитую руку.

– Ну, и кто же над тобой так поработал, если не секрет? – Том Сандерс невозмутимо отряхивал колени.

– Бандерлоги, чье развитие прекратилось еще сорок тысяч лет назад! – Мартин снова почувствовал приступ злости, но постарался загасить его в себе. – Да какая разница?

– Большая. Имена-то у твоих бандерлогов есть?

Мартину показалось, что голос преподавателя прозвучал мягче.

– Стив, Алекс и Джонни Митчелл! Они втроем напали на Мартина! – Мелани выпалила это прежде, чем Мартин успел что-либо ответить. Она тяжело дышала от негодования.

– Трое на одного! Они держали его руки, а я ничего не могла сделать! – она оборвала себя, почувствовав вдруг, что говорит слишком громко, и потупила взгляд.

– Да, трое на одного – это не дело, – проговорил мистер Сандерс. – Чувствуешь-то ты себя как, а, Мартин?

– Больно, но это естественно. Тело человеческое несовершенно, а боль – это проявление инстинкта самосохранения организма. – Мартин уже снова был спокоен. Гроза прошла, и можно было продолжать путь.

– Да ты умник, – хмыкнул Сандерс.

– Дедушка говорит, что у меня просто такая форма мышления, – пожал плечами Мартин, будто виноватый. Сандерс усмехнулся.

– Ну что ж, драчуны будут наказаны, это я беру на себя. А тебе с твоей формой мышления я бы посоветовал походить ко мне на занятия по карате. Я как раз открываю секцию, ты смело можешь записываться.

– Вы учите насилию? – переспросил Мартин.

– Я учу защищаться. – В глазах Сандерса на секунду промелькнула серьезность, но тут же сменилась шутивным прищуром. – Тренирую этот твой, как ты его называешь... инстинкт самосохранения.

– Тогда я, наверное, приду! – Мартин с новым интересом взглянул на преподавателя.

– Ну что ж, буду ждать. К медсестре тебе можно не идти, а за сопровождение я спокоен, – он кивнул Мелани.

Сандерс поочередно подал ребятам руку. Крепко пожал ладонь Мартина и, будто с некоторой опаской, аккуратно, ладошку Мел. Он еще раз оглянулся на них, уходя, и улыбнулся чему-то.

Мелани рассеянно подняла с земли то, что недавно было очками Мартина. Дужки погнулись, а одно стеклышко разбилось. На щеке ее снова заблестела злая слеза.

– Ты даже не думай бояться их, слышишь, Мартин! Том Сандерс разберется с ними, ты же сам видел, ему можно доверять! – Она зло стряхнула слезу со щеки.

– Я и не боюсь! – ответил Мартин. – Я не боюсь, Мел, – повторил он уже тише.

Она еще раз судорожно вздохнула и уже совсем спокойно взяла его за руку.

– Ну что, пойдём? Я помогу тебе донести рюкзак.

Мартин чуть смущенно передал ей одну лямку своего ранца.

– Спасибо, а то у меня что-то сильно болит рука. Ох, хотел бы я иметь более совершенную форму! Человек так слаб. Прошло уже сорок тысяч лет, мы сделали огромный шаг в развитии интеллекта, но физический облик человека остался прежним. Как бы я хотел усовершенствовать человеческий организм! – Глаза Мартина мечтательно заблестели, он даже на время забыл о боли в руке.

– Но как, Марти? – Мелани уже сделалось интересно и весело, она шла чуть вприпрыжку, заглядывая увлеченному Мартину в лицо.

– Я давно думаю над этим. Мой дедушка считает, что будущее принадлежит человеку, который не будет зависеть от внешних условий. Человеку, который сможет подчинить их себе.

– Ты хочешь сказать, что человек станет роботом? – в голосе Мелани прозвучала тревога.

– Ну что ты, нет. – Мартин улыбнулся чему-то в своих мыслях. – Он не станет роботом, но он будет совершенным. Его будут называть технотроником!

Они шли, держась за руки, болтая и смеясь. Они рисовали себе в воображении совершенное будущее, в котором человек не только умен, но и силен, вынослив и вечно здоров. Они в красках расписывали друг другу, как будет выглядеть человек будущего, будто бы им уже завтра предстояло представить друзьям настоящего технотроника.

– Он будет двигаться нелепо, как робот? – смеялась Мелани.

– Ну что ты, Мел! Он будет пластичен и ловок! О, да ты представить не можешь, как технотроник будет бегать, прыгать... А как он будет танцевать! – Мартин совсем забыл про свои ушибы и изобразил какое-то невероятное по своей нелепости танцевальное па, правда, тут же схватился за больную руку. Мелани на секунду испугалась, но, вспомнив движение Марти, прыснула со смеху. Мартин захохотал во весь голос.

.....

... Тем временем в большом зале городской публичной библиотеки отец Мартина абсолютно серьезно демонстрировал первые шаги к созданию технотроника. Талантливый микрохирург, он был лучшим из учеников своего отца, знаменитого профессора Стоуна. Совсем недавно ему удалось совместить кибернетические разработки отца и свой огромный опыт, чтобы провести операцию по имплантации искусственной руки. Его с детства поражало совершенство человеческого организма, то, как идеально продумана кожа, обтягивающая костную конструкцию, капилляры, артерии и вены, переплетение мышц, работа сердца – все гармонично и взаимосвязано. Он мечтал воссоздать человеческий организм силами науки, воссоздать этот идеальный механизм, заменив в нем лишь некоторые материалы, некоторые связи, тем самым сделав его еще совершеннее – прочнее, долговечнее, сильнее. И наконец он приблизился к своей мечте. Министерство обороны США предложило провести эту рискованную операцию, обеспечило финансирование, предоставило пациента.

Крис Стоун сразу же вспомнил бледное лицо молодого капитана ВВС, Эдварда Смита, потерявшего руку во время задания. Вспомнил, как тот с опаской смотрел на сложные чертежи, которые Крис считал нужным ему показать. Как он спокойно кивнул Крису перед операцией, будто совсем не боялся, как там все пройдет, и как при этом немного дергалась его правая бровь – единственный признак его страха. Ведь Крис заранее предупредил, что процесс заживления может быть невероятно сложным: адаптация, долгие тренировки, привыкание к новым ощущениям, возможно, дикие боли. Что говорить, он боялся и сам. Но когда оказался перед операционным столом, все лишние мысли исчезли. Он видел перед собой задачу, сложную, необыкновенно интересную задачу, которую он мог решить. Крис не заметил тогда, как прошли пять часов операции – не так уж много, в сущности. Но они пронеслись как единое мгновение, которое можно было растянуть в памяти и рассмотреть каждое действие, каждый жест Криса в отдельности, – ни единой ошибки. Вживляя совершенные детали новой руки в плоть Эдварда, он сам хотел ощутить себя непогрешимым механизмом, и похоже, что ему это удалось.

Сейчас, на этой пышной презентации, он чувствовал себя немного неловко. Министерство обороны поспешило поднять свой рейтинг: в самые короткие сроки была создана пиар-кампания, журналисты со всего мира съехались брать интервью у Криса и Эдди, ошеломленных своей победой. Медицинские, научные, технические журналы пестрели заголовками: «Искусственная рука, приживленная Эдварду Смиту, превосходит по качественным показателям человеческий организм», «Шаг в будущее», «Сенсация в мире науки». Его лицо и лицо совершенно измученного всеми этими разговорами, вспышками, и суматохой Эдди в какой-то момент мелькнули на экране маленького телевизора в углу палаты во время вечерних новостей.

С одной стороны, Крис был рад возможностям, открывающимся перед ним благодаря этой шумихе, а с другой – хотел поскорее выбраться из своего строгого костюма, закинуть в угол галстук, провести время только с семьей. Да и разве это его, Криса, заслуга? Разработки отца – без них не вышло бы ровным счетом ничего.

На огромном экране за спиной Криса началась видеопрезентация. После нее он должен будет произнести торжественную речь – все как хотели организаторы. Скорее бы уже... Он повернулся к экрану. Вот его лицо в медицинской маске, он склонился над операционным столом. Вот Эдди Смит впервые пошевелил пальцами своей новой руки, на его осунувшемся лице удивление, потрясение, радость, усталость и удовлетворенность – все одновременно. Вот кадры, на которых Эдди научился держать ложку, научился писать свое имя. А вот самый, кажется, ценный из кадров: Эдвард проводит рукой по голове своей маленькой дочки – микродатчики на искусственной ладони передают сигналы в мозг, создавая осязательный эффект. Это заметно по тому, как вздрогнули брови Эдди, как он на мгновение замер, потрясенный этим ощущением, а в следующую секунду рассмеялся счастливо, забыв о камерах, о врачах, обо всем на свете, и подхватил свою маленькую дочку, закружил, подняв на вытянутых руках.

Крис решительно постучал пальцем в микрофон, проверяя, включен ли он, и, выдохнув, обвел глазами зал.

– Уважаемые гости, коллеги! Вы сейчас наблюдали за сложной операцией, которую я провел на основании разработок моего отца, профессора кибернетики Энди Стоуна. Я рад вам сообщить, что сегодня мой отец здесь! Он приехал по моему приглашению!

Имя Энди Стоуна, значимое в научных кругах, было встречено аплодисментами.

– Дело в том, что мой отец много лет работал в исследовательской лаборатории Министерства обороны, и вот сейчас в нашей клинике появляется возможность проводить подобные операции. Это стоило нам больших сил и определенных финансовых затрат, но я верю, что все наши усилия не будут напрасными!

Крис вглядывался в лица людей. В первых рядах перед сценой он видит голубые глаза, поблескивающие из-за стекол очков, аккуратную седую бородку, чуть ссутуленную фигуру отца.

– Папа, пожалуйста, поднимись на трибуну!

Отец смущенно качает головой. Но через пару секунд все же соглашается подняться к Крису. Он кивает собравшимся в зале и на секунду задумывается, а затем как ни в чем не бывало говорит, наклонившись к микрофону:

– Ну что ж... Здравствуйте, уважаемые коллеги и гости. Что я могу сказать? За десять лет работы в своей лаборатории я провел много аналогичных операций, и достаточно успешно. Новые открытия в области кибернетики дают нам возможность использовать их и в практической медицине. Уверен, что скоро такие операции станут обычными и доступными для простых людей.

Он с гордостью кладет руку на плечо Криса.

– И, конечно же, я очень надеюсь, что мой сын продолжит мое дело!

Слова профессора вызывают новые аплодисменты. Когда же шум стихает, он снова поворачивается к микрофону:

– Стремительное развитие нанотехнологий и робототехники приводит меня к мысли, что в недалеком будущем облик современного человека может качественно измениться. Мы с вами, друзья, счастливые свидетели того, как человек подходит к новой ступени своего развития. Совсем скоро человека разумного сменит человек технологический.

В зале происходит легкое оживление, к трибуне продвигается мужчина.

Журналист говорит совершенно спокойно, в руке его подрагивает красный огонек диктофона.

– Правда ли то, что лабораторию, которую вы возглавляли, закрыли? Многие ученые считают, что ваши разработки не имеют будущего и деньги налогоплательщиков расходуются на сомнительные проекты.

Отец не показал волнения, но Крис почувствовал, как тот напрягся. Голос профессора ничуть не изменился, он говорил так же мягко, деликатно и при этом отчетливо:

– Руководство Министерства обороны действительно прекратило финансирование моей программы по созданию человека будущего. Однако я верю, что невозможно воспрепятствовать стремлению человека стать совершенным, стать бессмертным и победить все болезни. Это заложено в основе эволюционного развития цивилизации.

Журналист чуть приподнял брови:

– Вы хотите превзойти Бога?

– Только Бог и дает мне надежду, что я иду по правильному пути. Мир с каждым днем становится все более сложным и опасным. Тело человека беззащитно перед катастрофами будущего. Его душа наполнена страхом. Только новый человек, человек технократической эры, будет способен решать самые сложные и великие задачи. Этого от нас ждет Создатель. Именно поэтому он заложил в нас ген творца. Но нам необходимо помнить, что все наши помыслы должны быть чисты и благородны. – Профессор не повышал голоса, но отчего-то слова его звучали особенно четко, будто бы в каждое слово он вкладывал особую силу.

Позже, когда все слова были произнесены, официальная часть презентации окончена, а гости расслабленно беседовали, попивая шампанское, будто забыв о научном свершении века, Крис пробирался через нарядный зал, лавируя между официантами и группами гостей, пытаясь найти глазами жену. Внезапно на его плечо легко опустилась чья-то рука.

Он вздрогнул от неожиданности и обернулся, внутренне готовясь отвечать на очередной каверзный вопрос пронырливого журналиста, но тут же облегченно выдохнул:

– Сэм, Эшли, как я рад вас видеть! Как ваши дела? Как малышка?

Крису нравилась эта семья. Сэм Риверс – начальник местной полиции. Собранный, требовательный к себе и окружающим, немного скованный на публике, он менялся до неузнаваемости, когда оказывался в небольшом семейном кругу. Да и сейчас его глаза засветились нежностью, стоило только Крису заговорить о его дочке.

Где-то полгода назад Крису разбудил ночной звонок. Мужской голос из трубки доносился глухо, как-то сдавленно:

– Вас беспокоит начальник полиции Сэм Риверс. Прошу извинить за поздний звонок, но это действительно важно.

Крис судорожно начал прокручивать в голове штрафы за парковку, оглянулся на мирно спящую жену, в голову уже полезли страшные мысли о сыне.

– Говорите быстрее, что-то с Мартином?

– Нет, нет, успокойтесь. Простите. Я звоню по личному вопросу. Моя дочь... Мы... – Он на секунду умолк и заговорил снова, еще более глухо: – Мы с женой попали в автомобильную аварию. Никто из нас не пострадал, но на заднем сиденье спала дочка. Осколки стекла... Знаете, осколки вышибло при ударе... И ее лицо... Ей так больно, доктор Стоун. И нам сказали, что увечья останутся на всю жизнь. Ей всего шесть. Я звоню вам из клиники. Нам сказали,

что действовать нужно срочно. Я знаю, что вы лучший хирург в этом городе... Да что там в городе... Доктор Стоун, вы меня слышите?

Сэм Риверс умолк.

– Я выезжаю, – быстро сказал Крис и повесил трубку.

Тогда он спешно осмотрел девочку. Действительно, нужно было начинать операцию как можно скорее. Тогда он сделал что смог. А затем еще несколько раз приходил к ним домой делать перевязки, смотреть, хорошо ли заживают недавние раны, и привязался к этой семье.

Сейчас на их лицах не было и следа тревоги.

– Малышка замечательно! Крис, вы знаете, как мы благодарны вам. Вы вернули нашу девочку к жизни. Наверное, это Бог послал вас нам. – Эшли говорила чуть смущенно, не глядя на него. Только договорив, взглянула ему в глаза и улыбнулась счастливо.

– Вы знаете, доктор, что можете ждать от нас любой помощи. Любой. И в любое время. – Сэм взвешивал каждое слово, а договорив, крепко пожал руку Криса.

– Я знаю, Сэм, я вижу. Хотя, надеюсь, помощь начальника полиции мне не понадобится, – рассмеялся Крис. – Ну, всего доброго! Нужно разыскать жену и смыться отсюда. Знаете, у нашего сына сегодня день рождения, – добавил он доверительно.

Он уже было отчаялся успеть на праздник сына. Крис остановился у колонны с бокалом шампанского, ловко подцепленным с подноса проходящего официанта, когда знакомые руки закрыли его глаза.

– Я повсюду тебя ищу! Ух, каждый раз забываю, какая ты у меня красавица.

Элен в ее черном вечернем платье и убранными назад волосами и вправду была прекрасна, особенно хороши были глаза – смеющиеся, огромные, искрящиеся голубым и зеленым. Точно такие же у Мартина, только они часто будто немного затуманены – этот мальчик вечно где-то витает.

Элен рассмеялась.

– Вспоминай об этом почаще, дорогой. Ну как, все ведь прошло отлично, да?

– Да, это просто поразительно, как может быть счастлив всего один человек. Для работы открываются новые перспективы, и инвесторы заинтересовались нашим проектом. У меня полные карманы визиток, я не шучу! А главное, я ужасно люблю тебя, и сейчас мы с тобой отсюда сбежим – разве не замечательно?

– Ты прав. И ты даже не представляешь, как я люблю, когда у тебя вот так горят глаза. А не забыл ли ты, счастливый человек, что у твоего сына сегодня день рождения?

– Нет, не забыл, а иначе зачем бы нам было так рано покидать этот праздник жизни? – Он отпил шампанского. – Сейчас только предупреду отца, что мы уходим. Ты-то не забыла, что нам еще заезжать за четвероногим подарком?

– Не забыла! Иди к отцу. Мартин весь в него, тоже вечно витает в облаках.

– Такой же мечтатель! – с улыбкой пожал плечами Крис.

Оглядываясь в поисках отца, Крис наткнулся взглядом на группу людей. Хорошие костюмы, дорогие часы, широкие улыбки, пустые глаза. Это мэр города Эрик Хайден с помощником Алексом Норманом и приспешниками. Этого типа со шрамом на пол-лица Крис видел впервые, но и он не внушал доверия. Заметив взгляд Криса, Хайден и Норман приветственно подняли бокалы, но улыбки на их лицах были скорее издевательские, чем добродушные.

– Кто это? – Элен хмурит лоб. – Они так пристально смотрят на нас.

– Это мэр и его свора. Не обращай внимания. – Хорошее настроение Криса тут же улетучилось, но он старался не подавать виду.

– Что-то случилось, Крис?

– Абсолютно ничего страшного. Просто я отказался делать вложение в их фонд развития города, на что имею полное право. Только и всего.

– Но почему? Ведь ты всегда говорил о том, как важно помогать городским властям в их начинаниях...

Как не хотелось Крису сейчас начинать этот разговор, как хотелось забыть обо всех мерзостях, которые каким-то образом постоянно просачиваются в оберегаемую им счастливую семейную жизнь...

– Мне попались в руки финансовые отчеты фонда. Это лишь прикрытие: все средства потрачены на избирательную кампанию мэра.

Элен поежилась, будто от холода, провела рукой по руке мужа.

– Ты не сможешь изменить этот мир, Крис. Просто не думай об этом.

– Я не хочу изменить мир. Я пытаюсь сделать его немного лучше, чем он есть.

– Зачем же ты их пригласил?

– Их не приглашают, Элен. Они приходят сами, по праву сильного! – Он уже начал закипать.

– Тише, тише. Не заводись. Тебе надо посоветоваться с отцом.

– Отцу не стоит об этом говорить. Я сам со всем справлюсь. – Он ласково посмотрел на жену. – Подождешь меня в машине, хорошо?

Крис нашел отца стоящим у окна, задумчиво глядящим в потемневшее небо. Как он умеет это – всегда оказаться в одиночестве, наедине с собой, даже находясь в толпе людей? Крис всегда немного завидовал этой способности отца мыслить отрешенно, подняться над проблемой и, увидев ее иначе, быстро найти неожиданное, гениальное в своей простоте решение. Крис раньше жалел, что не унаследовал от отца этот способ мышления, но, найдя себя в микрохирургии, успокоился. Кропотливая, сложная, интересная работа, каждую секунду требующая концентрации, решительности, умения применить все свои знания прямо сейчас. Созерцательная отрешенность виделась ему в характере сына. Не зря они так близки с дедом, не зря проводят вместе часы, разговаривая обо всем на свете.

Крис глубоко вдохнул и расправил плечи. Нельзя, чтобы отец увидел, что он встревожен.

– Как у тебя настроение, папа?

Профессор обернулся, будто застигнутый врасплох, но тут же его лицо осветилось улыбкой. От светлых глаз к вискам разбежались глубокие морщины.

– Все хорошо, сын. Ты знаешь, я ужасно горд. Горд тобой, Крис.

– Если бы не ты... – Крис был тронут. Его отец, единственный, чье мнение волновало его по-настоящему, единственный, на кого он хотел бы равняться в своей работе, кого он уважал, говорит, что гордится им.

– Но ведь ты мой сын! – Профессор положил руки на плечи Криса, чуть отстранив его от себя, чтобы получше рассмотреть. – Мой сын, мой такой взрослый сын... Жаль, мама сейчас не видит, каким ты стал, она была бы так счастлива.

– Я очень скучаю по ней, папа. Очень.

– Ну что ж, я думаю, она наблюдает за нами с небес и сейчас радуется вместе с нами.

Когда отец говорит о маме, у Криса в горле появляется ком, а в носу начинает щипать, как в детстве. Не хватало еще пустить слезу среди всех этих людей, на глазах мэра и его шайки.

– Папа, ты не забыл, что у твоего внука сегодня день рождения? – Крис спросил это нарочито бодро, чтобы отвлечь отца и самому отвлечься от шемящей сердце нежности, которая появляется, стоит только вспомнить маму. Ее улыбка, смех и теплые руки... Как же ее не хватает... Даже сейчас, спустя столько лет.

– Конечно, не забыл, просто не знаю, как быстрее сбежать отсюда! – отец тут же перенял бодрый тон Криса. – Мне еще нужно заехать за подарком для нашего именинника.

– Мы с Элен тоже уйдем пораньше. Нам нужно заехать к знакомым: мы обещали подарить Мартину маленького щенка. Давай я отправлю за тобой водителя, ты успеешь на праздник, просто будешь чуть позже?

Профессор согласно кивнул:

– Хорошо, сын, я как раз успею пройтись по клинике. Вчера привезли аппаратуру из моей лаборатории.

Крис нахмурился. Он знал, как тяжело отцу далась потеря нового проекта. Кажется, он стал совсем седым именно тогда, когда по каким-то причинам ему пришлось отказаться от сотрудничества с Министерством обороны. Они никогда не обсуждали подробности. Отцу не позволял говорить подписанный им контракт, да он, кажется, и сам был рад поскорее уйти от этой тяжелой для него темы.

– Отец, мне жаль. Мне правда очень жаль, что они закрыли твою программу.

– Мою программу никто не закрывал, я сам отказался... – Отец говорил спокойно, даже немного задумчиво. – Некоторые условия военных не позволили мне продолжить работу... Ведь человек никогда не должен поступаться своими принципами, верно, сын? Даже если на кону самая интересная на свете работа, самые важные исследования. Я прав, Крис? – Он с улыбкой посмотрел на сына.

– Конечно. А уж если ты отказался от любимого дела, для этого наверняка были очень веские причины.

– Я уже стар, Крис, и не мне обманывать себя...

– Тогда я поддерживаю твоё решение... Как и всегда, папа.

Профессор благодарно потрепал сына по плечу, и Крис на мгновение ощутил себя совсем маленьким мальчиком, одновременно с этим почувствовав ответственность за отца, за своего старого, раненого, доброго отца.

– Крис, я думаю, если у человека есть идеи и знания, то ему никто не помешает в осуществлении своей мечты. Помогать простым людям и лечить их – это достойная работа! Многим и многим больным мы можем дать второй шанс в этой жизни.

– Я хочу верить в это... – Крис вспомнил светящиеся счастьем лица Эшли и Сэма Риверс. – Я верю.

Отец улыбнулся и слегка встряхнул седой головой, будто сбрасывая налет серьезности и грусти.

– Все получится, сын, но ты беги, беги, надо обязательно подарить Мартину щенка! Я знаю, он очень этого ждет. Скоро увидимся!

Крис напоследок взглянул в светлые голубые глаза отца и поспешил к выходу. Элен, наверное, уже заждалась его. Он не замечал, что его провожают пристальные и недобрые взгляды.

Мэр Хайден уже давно наблюдал за Крисом Стоуном. Может быть, он и вправду неплохой врач, но только с этим далеко он не пойдет. Сейчас, когда только о нем и жужжит весь город, да что там – весь научный мир перевернулся от этого его нового протеза! Сейчас ему нужно брать быка за рога. Подкинуть немного денег туда и сюда, познакомиться с нужными людьми и, конечно, не ссориться с ним, с Эриком Хайденом, тогда деньги бесперебойным потоком потекут в его руки. А этот кретин сюсюкается с женой и папочкой и отказывается от самого выгодного для него сотрудничества.

Хайден на дух не переносил таких людей. Они не мечтатели, не романтики, не гении. Они глупцы. Глупцы, возомнившие о себе, что они лучше, честнее, выше таких, как Хайден. А разве может быть что-то честнее, чем признаться себе, что ты мерзавец как минимум потому, что все люди – мерзавцы? Всегда быть только за себя и, если потребуется, растерзать любого, кто встанет на пути, захочет забрать себе твой кусок мяса. Разве не это заложено в людей природой? Эрик Хайден честнее самого возвышенного Криса Стоуна, потому что может найти в себе силы, глядя в зеркало, видеть в нем не воображаемые нимб и крылья, а реальность. Грубую, неприятную, грязную, но честную.

Хайден чуть повернул голову к своему помощнику Норману. А тот тут же подскочил поближе, услужливо подставив ухо.

– Что слышно?

– Стоун отказался платить. – Норман на мгновение поднимает глаза на своего хозяина, чтобы оценить, стоит ли продолжать. Но Хайден спокойно продолжает цедить виски, и Норман добавляет: – Думаю, его пример может стать заразительным для других...

– Этот доктор думает, что сможет спокойно работать в моем городе. – Хайден говорит очень спокойно, но Норману становится не по себе.

– Что будем делать?

Хайден делает еще один большой глоток. На его желтоватых зубах хрустнула льдинка.

– Пора с ним кончать.

Крис немного замешкался возле гардероба, он копался в карманах, пытаясь отыскать пару долларов, чтобы оставить на чай женщине, так любезно подавшей ему пальто. Ему всегда бывало неловко, когда официанткой, гардеробщицей или горничной оказывалась женщина в возрасте. Ему всегда бессознательно хотелось усадить такую даму на стул и сказать что-то вроде: «Отдохните, вы ведь в матери мне годитесь. Сейчас я сделаю все сам. Мне несложно, честное слово».

Крис так увлекся своими поисками, что не заметил, как к нему приблизился тот самый мужчина с длинным шрамом на щеке. Лейтенант Робертсон только недавно подключился к делам мэра, но уже подмял под себя всю верхушку этой компании и стал доверенным лицом Хайдена. Мэру нравился простой подход Робертсона: если проблема появлялась, ее нужно было решить, и способ не имел значения – чем проще, тем лучше. Смерть всегда казалась Робертсону одним из наиболее простых способов.

Крис рассеянно поднял голову и почти столкнулся с Робертсоном. Он еще машинально перебирал мелочь в карманах, но выражение его лица тут же изменилось, стало холодным, неприязненным.

– Большие люди просили передать, что за тобой должок, – проговорил Робертсон, приблизившись к уху Криса. Он улыбнулся, от чего шрам исказил лицо сильнее обычного.

– Передай своим хозяевам, что я никому ничего не должен, – спокойно, с нескрываемым презрением ответил Крис.

Робертсон улыбнулся еще шире, показав зубы.

– У тебя красивая жена, ты не боишься, что...

Криса захлестнула волна ярости, накрыла его с головой, в ушах зашумело. Этот подонок смеет говорить о его жене, смеет смотреть на нее?!

Робертсон не успел договорить. Крис резко ударил его кулаком в челюсть. Тот даже не шелохнулся – спокойно вытер кровь с разбитой губы и с интересом взглянул на испачканные пальцы. Только глаза его блеснули затаившейся злобой.

– Ты подписал себе смертный приговор, лекарь, – проговорил он тихо и сплюнул кровь под ноги Крису.

Крис обернулся. Гардеробщица испуганно смотрела на него из-за прилавка, не понимая, что произошло. Охранники у входа недоуменно переглядывались. Криса здесь знали и не могли ожидать от него даже грубого слова, не то что драки.

– Уберите этого человека. Он немного перебрал, – громко проговорил Крис, обращаясь к охранникам. – Прошу прощения. Это вам, – он протянул перепуганной гардеробщице пару мятых купюр.

Робертсон оттолкнул руки охранников:

– Не смей!

И спокойно вышел из здания.

.....

...Разве так бывает, что можно просто идти рядом с кем-то и молчать, не ощущая напряжения, скованности, необходимости поддержать разговор о погоде? И так же просто, оказывается, с этим человеком говорить. Говорить о чем угодно, не боясь показаться смешным, глупым или назойливым. Раньше Мартин подолгу разговаривал только с бабушкой. С папой и мамой он тоже разговаривал, но они часто оказывались заняты, им нужно было бежать на работу, кому-то звонить, куда-то ехать. А у бабушки почему-то всегда находилось время для разговора. Когда у Мартина возникал сложный вопрос и он задавал его деду, тот задумчиво хмурил брови, а затем говорил: «Сходим прогуляться?» Это означало, что они пойдут в кофейню за углом, где оба закажут какао, или пройдутся до моста и будут стоять в самой его середине, глядя на темную воду, или просто отправятся по незнакомым Мартину улицам и будут примечать необычные вывески, интересно одетых людей, красивые и странные дома. Во время таких прогулок бабушка обычно не только успевал ответить на «сложный вопрос» Марти, но и задать ему пару-тройку своих. И они вместе принимались за поиски ответов на них, споря или соглашаясь друг с другом. Такие прогулки выдавались нечасто, но всегда яркими вспышками отмечались в памяти Марти.

Сейчас, когда он, прихрамывая, шел домой рядом с Мелани, он ощущал что-то похожее. Конечно, эти разговоры были совсем иными. Если с бабушкой он чаще спрашивал, переспрашивал, начинал спорить и тут же заслушивался его ответом, то здесь скорее он, Мартин, становился на место отвечающего. Это было совсем не скучно. Мелани так серьезно слушала его, так неподдельно радовалась и удивлялась его рассказам о будущих сверхлюдях, о цикличности истории, о секретах физики, химии и биологии, которые людям еще только предстоит раскрыть, что Мартину хотелось говорить еще и еще.

Иногда они замолкали и просто шли рядом, думая каждый о своем, не ощущая при этом скованности. Мелани говорила мало, но из-за этого все сказанное ей казалось Мартину весомым и личным. Мел рассказывала, как она любит своих младших братьев, хотя они часто мешают ей делать уроки своими шумными играми. Она давно научилась управляться с ними, так даже мама говорит и спокойно оставляет на Мелани братьев, когда уходит на ночную смену, или идет на очередное собеседование, или сама отправляется посидеть с чужим ребенком. «За этих сорванцов я спокойна, ведь с ними Мел», – так она говорит и целует дочь в лоб на прощание. Еще Мел рассказала, что больше всего на свете любит, когда остается дома одна.

– Это случается очень редко – когда мальчиков отправляют на выходные к бабушке, а мама уезжает по своим делам. Тогда я могу делать абсолютно все что захочу. Я наливаю себе молока, беру книгу и усаживаюсь с ногами в кресло на веранде. Оно огромное и старое, но удобнее кресла я еще не видела. Мама рассказывала, что папа нашел его на каком-то блошином рынке, притащил в дом, заново перетянул обивкой и гордо предлагал каждому гостю передохнуть, сидя в «удобнейшем из кресел, когда-либо созданных». Папа вообще был смешным. Я немножко помню, что он умел доставать монету у меня из-за уха. Я никогда не могла понять, как он это делает, и каждый раз приходила в восторг. Сейчас-то я понимаю, что он просто прятал ее в рукаве. У него были ловкие и сильные пальцы. Он был скульптором. У нас не осталось его работ, мама говорит, что пришлось продать их за бесценок, когда родился Томми. Но я уверена, что он был хорошим скульптором. Мама говорит, что он умер от того, что был настоящим художником, у него не выдержало сердце. У настоящих художников сердце все чувствует в тысячу раз сильнее, чем сердце обычных людей. Это небывалая нагрузка, ее трудно выдержать, вот папа и не смог. Веришь мне, Мартин? – она строго смотрела на Мартина, прищурив глаза.

И от этого взгляда все доводы Мартина о строении человеческого организма, о сердце, которое, как насос, перегоняет кровь, о деятельности мозга, которая отвечает за эмоции, – все они рушились, и он коротко кивал.

– Конечно, верю. Сердце художника – известный факт.

Когда они уже подходили к особняку Стоунов, Мартин неожиданно вспомнил про свой праздник. Ему захотелось, чтобы Мел пришла к нему домой и хлопала в ладоши вместе с другими гостями, когда он задует свечи на праздничном торте, чтобы она поиграла с его щенком, которого родители обязательно ему подарят, увидела книги и пластинки, о которых он ей рассказывал.

– Мел, ты придешь ко мне на день рождения? Приходи, будет здорово.

Она почему-то смутилась и опустила голову.

– Я спрошу у мамы. Я бы очень хотела прийти.

– Дедушка хочет подарить мне андроида. Это такой маленький робот-человечек. Дед сам его для меня сконструировал. – Мартин ничуть не хвастался, но Мелани пораженно вскинула брови.

– Твой дедушка – изобретатель?

– Он профессор кибернетики, – пожал плечами Мартин. – На самом деле, я куда больше жду подарка от мамы и папы, они обещали подарить мне маленького щенка. Он будет расти вместе со мной и станет мне настоящим преданным другом.

Мелани даже вскрикнула от восторга и захлопала в ладоши.

– Как я рада, что у тебя будет собачка! А у меня есть котенок!

– Здорово, вот только щенка нужно будет выгуливать. Мама сказала, что я должен брать на себя ответственность и каждый день гулять с ним, – рассудительно объяснил Мартин.

– Будем выгуливать его вместе? – Мелани уже видела себя на лужайке, бросающей пушистому щенку яркий мячик. – Это будет так весело, Марти!

– Я согласен, – ответил он с готовностью.

– Ну, я пойду? – Мелани повернулась и пошла, то и дело оборачиваясь на Мартина.

– Я буду ждать, приходи сегодня!

– Хорошо! – Мелани обернулась и посмотрела на Мартина, а потом будто приняла важное решение и быстро пошла назад, словно боясь передумать, если остановится. Приблизившись, она приподнялась на цыпочки и поцеловала Мартина в щеку, а затем убежала, не дав ему вымолвить и слова.

Мартин ничего не понял, он стоял, как одурманенный, еще чувствуя на щеке этот быстрый поцелуй, еще ощущая запах волос Мелани. Он неосознанно провел рукой по щеке и, пошатываясь, пошел к своей двери.

...Мартин хотел незаметно проскользнуть в свою комнату, чтобы еще немного оттянуть момент, когда родители увидят его опухшую губу, новые царапины и синяки. Что-то подсказывало ему, что мама не отнесется ко всем этим приобретениям так же спокойно, как мистер Сандерс. Но стоило ему сделать пару шагов, как он увидел, что навстречу ему по коридору ковыляет щенок. Абсолютно белый, пушистый, с угольным носом-пуговицей, он напоминал полярного медвежонка. Мартин уже не верил своему счастью – слишком много хорошего свалилось на него за один день. Он опустился на колени и протянул руки к щенку.

– Иди, иди сюда! Хороший, хороший. Ты ведь мой? Мой пес? Иди сюда, мой хороший. – Он приговаривал, сам не понимая, что несет, но определенно что-то радостное и ласковое, боясь отпугнуть щенка, не веря, что это теперь его, Мартина, собака, верный друг.

Но щенок, казалось, все понял. Завилыв хвостом, он бросился к протянутым рукам мальчика. Он так торопился, что, приблизившись к Мартину, не сумел вовремя затормозить: передние лапы разъехались, и он смешно растянулся на паркете. Мартин рассмеялся и сгреб неуклюжего приятеля в объятия, а щенок в ответ лизнул его шершавым языком в нос.

– Вот и подружился! – Родители, тихо наблюдавшие за первым знакомством из-за открытой двери столовой, покинули свое укрытие и, уже не сдерживая смеха, смотрели, как Мартин гладит щенка.

– Мам, пап! Это ведь мне? Это ведь мой, мой щенок? – торопливо спрашивал Мартин, пытаясь увернуться от слюнявых нежностей нового друга.

– Тебе, конечно. Я что-то не вижу здесь других именинников, – шутливо успокаивал его отец. – Ну, вот что. Кажется, твои родители тоже заслужили хорошие объятия, – с напускной строгостью заявил он.

Мартин, опустив щенка на пол, обхватил руками шеи сразу обоих родителей.

– Спасибо, спасибо! Я так рад, вы даже не представляете. Я даже не думал, что в одного человека может поместиться столько радости разом!

– О, кажется, это ваша с папой общая черта, – рассмеялась Элен.

– И не самая худшая, скажу я тебе! – отвечал Крис.

– Подожди-ка, что у тебя с лицом? – Элен заставила Мартина повернуться к свету и испуганно оглядела ссадины на лбу и щеке, разбитую губу, синяк, проступивший под глазом. Мартин старался высвободить свое лицо из ее ладоней и недовольно морщился.

– Да все хорошо, мам. Мне совсем не больно. Честно.

– Может, тебе и не больно, а мне – больно. Мне больно на такое смотреть. А где твои очки?

Она не укоряла Мартина, но ее голос звучал так расстроено, что ему стало не по себе.

– Ну, мам, надо же мне менять свой стиль. Я стал старше на год, мне нужны стильные очки в модной оправе. Вот я и избавился от старой модели, – попытался пошутить он.

– Что-то в последнее время слишком часто ты меняешь свой стиль, и в ход идут почему-то всегда только очки. Ну, с кем ты подрался? Снова эти трое? – Элен уже думала о том, что нужно предпринять: смазать ссадины антисептиком, прикладывать холодное уже поздно, синяк скоро потемнеет, нужно что-то рассасывающее... А эти дикари из школы? Снова звонить директору? Это бесполезно, беседы их не вразумляют. Перевести Мартина в другую школу? Она подальше, но, кажется, там выше уровень преподавания, и не будет этой вечной беспричинной травли от одноклассников...

– Марти, давай переведем тебя в другую школу? Сколько можно терпеть эти издевательства? Ты ведь даже не можешь объяснить, из-за чего они к тебе пристают. Как мы можем решить проблему, которой будто бы нет? Давай...

Мартин не дал ей договорить:

– Не нужно меня куда переводить. Дураков полно в любой школе. Не будут приставать эти – пристанут другие. С этими я сам разберусь, не волнуйся, – он успокаивающе положил маме руки на плечи. – Не волнуйся.

– Подожди, но за что они тебя побили? Ведь была же какая-то причина? – Элен всматривалась в лицо сына. Тонкие черты лица немного исказились из-за отека, большие голубые глаза смотрели спокойно, но немного рассеянно и беспомощно, потеряв привычную защиту очков. Мартин улыбнулся и пожал плечами, будто говоря: «Ну что с них взять?»

– Думаю, дело в том, что я не похож на этих мальчиков. Не похож на них и им непонятен. А непонятное кажется им враждебным. Вот они и доказывают свое превосходство единственным доступным им способом.

Мартин опустил на колени и притянул к себе щенка.

– Да и вообще, ты знаешь, мам, я нашел себе друга в школе. Так что переводиться в другую было бы глупостью, ты же сама говорила, что настоящие друзья – это богатство, которое нужно ценить и беречь. Вот я и буду беречь.

Элен заинтересованно вскинула брови.

– Друг? Это замечательно. Как же его зовут?

– Мелани, – ответил Мартин, не переставая тормошить щенка. – Мел.

– Твой друг – девочка? Интересно было бы с ней познакомиться, да, Крис? – Элен лукаво взглянула на мужа.

– Конечно! И я, честно говоря, не понимаю, какая разница, мальчик это или девочка. Скажу тебе, девочки часто могут дать фору самым бойким парням. Помнится, мы с твоей мамой тоже подружились еще в школе, и она... – рассеянно отвечал Крис, не замечая, что его сын начал краснеть.

Элен быстро перебила мужа:

– Послушай, ты должен пригласить ее на свой праздник!

Мартин радостно вскинул голову.

– Да, мам, я так и сделал! Мне кажется, это будет самый веселый день рождения в моей жизни.

– О! Не стоит зарекаться! – рассмеялся Крис. – У тебя впереди еще не один день рождения, и, надеюсь, они все будут неплохи. Но подожди, ты не хочешь придумать имя этому сорванцу?

Щенок вытянул из обувной полки тапочек и начал его грызть.

– Я назову его Ларри!

– Почему именно Ларри? – спросила Элен, освобождая тапочек из плена. – По-моему, это самый настоящий Пушок, а скорее даже Пират.

– Ну нет, мам. Это Ларри. Настоящему другу – настоящее имя.

– Это верно, сын. Ко всему в этой жизни нужно относиться серьезно. И к друзьям, и к врагам. Поэтому у меня для тебя еще один подарок. – Крис достал из шкафа объемный сверток.

– Боксерские перчатки? – Мартин раскрыл оберточную бумагу и с удивлением поднял глаза на отца. – Но я думал, ты не приемлешь насилия.

– Не приемлю, именно поэтому дарю тебе их. Сколько можно терпеть насилие со стороны каких-то оболдуев? Пора заняться самообороной.

– Да, я тоже так считаю! Но пап, я уже решил, что займусь карате! – Мартин уже нацепил перчатки и теперь наносил сокрушающие удары по воздуху.

– Да такими темпами ты станешь грозой всех местных хулиганов! – рассмеялась Элен.

– Ха-ха! Да, мам, буду защищать слабых и униженных! А Ларри будет мне помогать! – Мартин смешно выпятил грудь. – Что скажешь, Ларри, напарник?

Щенок вилял хвостом и прыгал вокруг своего хозяина, не понимая ни слова, но радуясь всеобщему веселью и смеху.

Из столовой появилась домработница семьи Стоунов, Розы. Толстая, добродушная Розы была с ними с самого рождения Мартина и души не чаяла в своих хозяевах, а особенно в мальчишке, чем-то напоминавшем ей ее собственного сына.

Она немного постояла, наблюдая за радостной возней в коридоре, но, вспомнив, что в духовке без ее присмотра оставлен корж для праздничного торта, спохватилась.

– Миссис Стоун, миссис Стоун! На кухне почти все готово, скоро начну украшать торт. Стол накрыт, не хотите сами посмотреть, все ли в порядке?

– Конечно, Розы, пойдем. Ты сегодня так помогла мне. Когда начнут собираться гости, можешь идти домой, сын тебя, наверное, уже заждался. Обещаю, ты получишь дополнительный выходной за сегодняшнюю задержку.

– Спасибо, миссис Стоун! – Розы просияла.

Элен и Розы исчезли за дверью столовой, обсуждая, когда лучше начать подавать закуски и какие бокалы лучше подходят для праздничной сервировки, а Мартин все не мог оторваться от щенка. Он так и сидел на ковре в прихожей, играя с Ларри, тормоша его, запуская пальцы в его густую шерсть. Щенок смешно упал на спину и подставил Мартину свой розовый живот.

Крис посмотрел на них и, опустившись на пол рядом с сыном, тоже начал почесывать щенячий живот.

– Послушай, сын, ты правда не переживаешь из-за этого? – он показал глазами на крупную ссадину у Мартина над бровью. – Можешь сказать мне, в отличие от мамы я менее впечатлителен.

– Иногда я так злюсь на этих парней, а еще больше на свою беспомощность, что мне становится тяжело дышать. Но это проходит. – Мартин серьезно взглянул на отца.

– Знаешь, сын, скажу тебе так: любой мужчина когда-нибудь терпит поражение, но важно то, какой урок он вынесет из этого – продолжит свой путь или сдастся на милость судьбы.

Мартин на секунду задумался и вдруг с улыбкой поднял на отца свои голубые глаза. Сейчас они были ясными, без дымки задумчивости и очень напоминали счастливые глаза Элен.

– Я понимаю, пап! Нельзя сдаваться. В человеке важна не его сила, а его дух. Я все понимаю.

Крис улыбнулся и притянул к себе худенькие плечи сына.

– Ты все правильно понимаешь.

.....

Мелани спешила домой. Никакие заколки не могли удержать ее густые волосы. Отдельные пряди развевались на ветру, а она так спешила, что и не думала о том, чтобы пригладить их. Она встряхивала головой, и ветер сильнее спутывал пряди, уже больше походившие на язычки рыжего пламени.

Мел все прокручивала в голове момент, когда она, повернувшись, вдруг поняла, что нужно обязательно поцеловать Мартина на прощание, что иначе все будет неправильно. Интересно, что он думает об этом? Мелани краснела, ощущала жар на щеках и шее и подставляла лицо ветру, чтобы остудить. Наверное, это было нелепо. Просто глупость какая-то. стыдно вспомнить. Он даже ничего не сказал ей. А разве она дала ему возможность? Она же сразу убежала! Вот дура... Мел низко опустила голову. Внимательно глядя на свои ноги, она чеканила шаг. Хотя, в сущности, что он мог сказать? Она подняла голову и задумчиво посмотрела вверх, на небо. «Спасибо, Мел, мне очень понравилось»? Или наоборот? «Что за телячьи нежности, Мелани, отстань»? Нет, конечно. Хорошо, это хорошо, что она так быстро убежала. И, кажется, это хорошо, что она поцеловала его. Пусть он знает, что он ей очень дорог. Кажется, дороже всех. Как хорошо, что они теперь друзья. Как хорошо, что сегодня вечером они снова увидятся, будут разговаривать, смеяться, вместе играть с его щенком. Интересно, как выглядит его комната? Наверное, она ужасно красивая, со шкафами, забитыми книгами, с постерами на стенах, с музыкальным центром и разными музыкальными дисками. А родители? Интересно, как выглядят его родители, какие они? Наверное, Мартин больше похож на маму. Есть что-то от женской красоты в его тонком лице... А папа однажды приходил к ним в школу, рассказывал о своей работе, а Мел в тот день не было: младший заболел, мама не могла пропустить работу, и ей ничего не оставалось, как в очередной раз поработать няней для своего братишки. Наверное, отец Мартина ужасно умный, в этом Мартин на него похож.

Так, то бледнея, то заливаясь пунцовым румянцем, не сбавляя шага и не замечая ничего вокруг, Мелани подошла к своему небольшому дому. Привычно проверила почтовый ящик и, тихо открыв дверь, сразу же поднялась по лестнице в свою комнату. Она хотела побыть одна. Братья гостили у бабушки, а мама, наверное, только вернулась с утренней смены в кафе и сейчас отдыхает, положив усталые ноги на подушку. Мелани раскрыла дверцы шкафа и грустно выдохнула. Непонятно, что она ожидала там увидеть: пара шерстяных свитеров, старая юбка, перешитая из маминых деловых брюк, платье в пестрый цветок, из которого она давно выросла. Небogatый гардероб был знаком ей до последней детали, но каждый раз, собираясь пойти куда-то, она зачем-то распаивала дверцы шкафа, будто бы могло произойти чудо и шкаф будет набит новыми прекрасными вещами. Что расстраивало ее больше всего – такой ход событий совсем не показался бы чудом ее одноклассникам. Однажды она шла домой, болтая о чем-то со Стейси Андрес, кажется, им нужно было совместно готовиться к лабораторной по биологии.

Они тогда попали под ужасный ливень, и Стейси предложила Мел зайти, переждать дождь и отогреться. Мелани помнила, как Стейси раскрыла шкаф и скучающе осмотрела полки.

– Держи, мне кажется, эти джинсы тебе подойдут, – проговорила она и кинула в руки Мел аккуратно сложенную вещь. – Вернешь как-нибудь. Или не возвращай. Мама зачем-то купила их мне, но по стилю они совсем мне не подходят. Эти родители...

Джинсы были совсем новые и сидели на Мелани как влитые. Она не собиралась носить их, это было бы унижительно, но они лежали на ее полке уже несколько недель, чистые и выглаженные. Набраться смелости, чтобы отдать их обратно Стейси, Мел тоже не могла.

Ну что ж... Не идти же на день рождения в старой школьной форме! Красивую розовую блузку можно взять у мамы, она однажды уже одалживала ее Мел. Осталось только расчесать эту гриву – и она будет готова. Может быть, мама даже сможет подвезти ее до дома Мартина.

Мелани подошла к зеркалу и взяла расческу. В отражении она увидела свою маленькую комнату – стену со старыми обоями, двухъярусную кровать, на которой она когда-то спала вместе с братишкой Полом, пока он не переехал в комнату близнецов, старую куклу в углу, давно забытую и покинутую своей повзрослевшей хозяйкой, картину на стене, оставшуюся от отца. Она была нарисована на листе, вырванном из детского альбома. Наверное, только поэтому она и сохранилась в их семье – никто не захотел покупать картину, выполненную с таким небрежным подходом к выбору материалов. Да и написана она была обычной акварелью Мелани. На рисунке был изображен их дом, только рядом с крыльцом росло высокое дерево, а на одной из его веток замерли качели. Газон был не подстрижен, и трава касалась ступеней веранды, а там на своем обычном месте красовалось «самое удобное кресло из когда-либо созданных». Солнце почти закатилось за горизонт, и крыша, трава, крона дерева – все отливало розовым цветом. Это была чудесная картина, Мелани знала это точно. И еще она знала, что не продаст ее, даже когда все поймут, каким гениальным художником был ее отец, а картина будет стоять целое состояние. Мама рассказала, что дерево возле их дома – не выдумка. Это был огромный и сильный дуб, на который папа действительно однажды повесил легкие качели.

– Ох, и страшно мне было смотреть, как он лезет на эту верхотуру! – закатывала глаза мама.

А потом, когда дела их шли уже неважно, а папино сердце болело все чаще и он хотел все больше времени проводить в своей мастерской, переделанной из подвального помещения, в дуб ударила молния. Удар был таким сильным, что расколол дерево надвое. Было странно видеть, как этот когда-то статный красавец был разрушен в одну минуту. Одна половина ствола почернела от огня и копоти, а вторая осталась светлой – сильный ветер и ливень не дали огню перебраться на нее. Потом его распилили и увезли. А на память о том времени, когда еще не прогремела страшная гроза, у Мелани остался папин рисунок.

Она вздохнула и принялась расчесывать спутанные пряди. Ей хотелось выглядеть красиво, но при этом так, чтобы не было заметно, как она старалась для этого. Хотя Мартин, наверное, все равно все поймет. Кажется, он все понимает и знает все на свете. В любом случае она еще не видела человека умнее. А как интересно он говорит! Страшно вставить слово, перебить его. Все-таки это удивительно, что ему захотелось дружить с ней, и это лучшее из того, что случилось с ней за долгое время.

Мелани спустилась вниз, чтобы увидеть себя в полный рост в дверце платяного шкафа. Мама сидела на кухне и обводила в газете объявления о работе. Вообще-то она была архитектором, правда, ей не удалось закончить последний курс колледжа, потому что родилась Мелани.

– Просто в жизни появилось куда более важное дело, – так объясняла она это знакомым и указывала глазами на Мелани.

К сожалению, в городе было мало желающих взять на работу не закончившего колледж специалиста с четырьмя детьми, поэтому мама подрабатывала там, куда ее брали охотно. Уборщица, продавщица в магазине косметики, официантка, кассир в супермаркете, сотрудница

колл-центра. Все эти работы приходили и уходили, невозможно выматывая, надоедая, принося маленький заработок, но все же держа их семью на плаву.

– Мел, ты что, собралась куда-то? – мама отложила газету.

– Мартин Стоун пригласил меня на свой день рождения, я собиралась пойти. Ты ведь не против? – Мелани привыкла, что она сама управляет своим временем и сама решает, что ей делать, а что нет.

Саманта, мать Мелани, нервно отпила немного кофе из кружки и, взглянув на часы, тихо сказала:

– Мелани, если честно, я хотела тебя кое о чем попросить.

Мелани продолжала поправлять волосы.

– О чем же? Говори, мама, я не хочу опаздывать.

– Мне очень нужно, чтобы ты сегодня посидела с малышом миссис Доусон. Я давно обещала ей, тем более она хорошо платит. Понимаешь, меня позвали на повторное собеседование сегодня. Это значит, что я им чем-то понравилась, они заинтересованы во мне, поэтому хотят задать еще пару вопросов. Такие встречи нельзя пропускать. – Саманта была похожа на маленькую девочку. Мелани вообще часто казалось, что она намного старше своей матери.

– Для тебя это так важно? – без капли надежды спросила она.

– Если собеседование пройдет удачно, меня возьмут на работу, а это значит, что наша жизнь станет немного полегче.

– Хорошо, мама. Я останусь.

Мелани говорила не поворачивая головы, продолжая глядеть в зеркало. Только ее собственное отражение казалось ей все более размытым и нечетким. Она зажмурилась, злясь на себя за то, что так расфантазировалась и разоделась, злясь на горячие слезы, не желающие отступать, и, встряхнув волосами, медленно пошла вверх, в свою комнату. За ней так же медленно, со ступени на ступень, карабкался котенок. Он тонко мяукал, будто чувствуя грусть своей хозяйки.

Оказавшись в своей комнате, Мел быстро вытерла слезы и переделалась в домашнюю одежду. Она никогда не позволяла себе быть слабой. Этому она научилась уже давно. «Ну что ж, значит, так надо, – думала она, глядя на акварель отца. – Ведь ничто плохое не случается просто так, как и ничто хорошее не дается случайно. Просто сейчас мне это еще непонятно».

.....

...Ничто не случается просто так. Значит, не просто так в этот вечер еще один гость все никак не показывался в гостиной, где во главе стола сидел Мартин в бумажной короне и то и дело поглядывал на дверь, а гости передавали друг другу закуски, звонко сталкивали бокалы и поздравляли именинника.

Профессор Стоун все еще был в клинике. Он прошел вдоль рядов новой техники, которую на прошлой неделе завезли и оставили не до конца распакованной, неподключенной, полумертвой в пустом кабинете. Профессор любовно стер пыль с одного из аппаратов.

– Здравствуйте, мои хорошие. Как долго я вас ждал, – проговорил он еле слышно. Но тут же легонько хлопнул себя по лбу. – Но сейчас я здесь по другому, не менее важному поводу, – проговорил он непонятно кому и вышел из кабинета.

Спустя несколько часов медсестра клиники Мэри, оставшаяся на ночное дежурство, проходя по коридору, заметила, что в одном из кабинетов включен свет. Она распахнула дверь и застала профессора Стоуна сидящим на подоконнике. Он был уже в пальто и шляпе, будто собрался уходить. В руках его был свежий номер журнала о медицине. Доктор прикусил нижнюю губу и быстро перевернул страницу, даже не заметив, что Мэри вошла в кабинет.

Вдруг Мэри заметила маленького робота, резво шагающего от стены к стене. Ноги на шарнирах сильно сгибались в коленях, и робот будто бы немного пританцовывал, в очередной

раз доходя до стены. Вдруг робот повернулся прямо к Мэри. Он замер, обрабатывая какую-то информацию, а затем громко проговорил механическим голосом:

– Че-ло-век. Человек. Здравствуйте, человек. Я – робот. Мое имя – А1.

Медсестра улыбнулась.

– Очень приятно, робот А1. А мое имя – Мэри.

– Очень рад знакомству! – по слогам выдавил из себя А1 и, будто запоминая, повторил, смешно растягивая слово: – Мэ-ри.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.